

Васильев А.Д.
(Россия, Красноярск)

**АПОЛИТИЧНОСТЬ «ИСКАТЕЛЯ СЛОВЕСНЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ»
И ЕГО ТЕКСТЫ**

Ключевые слова: Набоков, аполитичность, текст.

Статья посвящена мнимой аполитичности В.Набокова и действительной политизированности его текстов.

Vasilyev A. D.
(Russia, Krasnoyarsk)

**THE INDIFFERENCE TO POLITICS OF «WORDY ADVENTURES' SEEKER»
AND HIS TEXTS**

Key words: Nabokov, the indifference to politics, text

The article is dedicated to examination of an alleged indifference to politics of V. Nabokov and the true politisizeness of his texts.

Совершенно бесспорно, что «в прозе Набокова действительно много словесной игры, или, как он сам говорил, ворожбы. Не уверенному в себе читателю, воспитаннику русского классического реализма, порою кажется, что его в о д я т з а н о с. Что ж, ему *правильно* кажется. Сложность набоковской прозы и состоит в том, что надо разобраться в намерениях автора, серьёзных и несерьёзных одновременно» [3.С.6]. И хотя чуть выше тот же автор говорит: «Его [Набокова] презрение к искусству как социополитическому феномену было безгранично. Ему претил безумный, с его точки зрения, *гиперморализм* русской литературной традиции» [3.С. 4], многие фрагменты набоковского метаромана заставляют в этом усомниться.

Недаром ведь один из биографов Набокова предостерегает читателя: «Не верьте лукавому автору» [10. С.45]. Возможно, к самому писателю также в какой-то мере относятся оценки, данные вымышленным рецензентом тону и стилю книги такого же «искателя словесных приключений» Годунова-Чердынцева «Жизнь Чернышевского»: «...Строй мыслей Чернышевского приобретает значительность, далеко превышающую смысл тех беспочвенных, ничем не связанных с эпохой шестидесятых годов доводов, которыми орудует господин Годунов-Чердынцев, ядовито высмеивая своего героя. Но издевается он, впрочем, не только над героем, – издевается он и над читателем. Как иначе квалифицировать то, что среди известных авторитетов приводится авторитет несуществующий, к которому автор будто апеллирует?» [4. С.273-274] (что делает и сам Набоков, ссылаясь на апокрифических авторов).

Хотя ср. парадокс (выраженный устами Кончеева, столь почитаемого Фёдором Константиновичем, в очередной воображаемой Годуновым-Чердынцевым беседе): «Настоящему писателю должно наплевать на всех читателей, кроме одного: будущего, – который, в свою очередь, лишь отражение автора во времени» [4. С.305].

Есть, конечно, и ещё одна немаловажная особенность подлинно художественного творчества: «... И вот оно, изумительное дело художников: так чудесно схватывает, концентрирует и воплощает человек типическое, рассеянное в воздухе, что во сто крат усиливает его существование и влияние – и часто совершенно наперекор с о е й з а д а ч е» [2. С.420] – и это, несомненно, также следует учитывать.

Напомним прежде всего о том, что миф о своей сугубой аполитичности В. Набоков формировал и культивировал для читательской аудитории настойчиво и последовательно, то

вкладывая соответствующие высказывания в речь близких ему персонажей, то манифестируя такие суждения в собственных высказываниях (авторских репликах, комментариях и проч.).

Так, «Мартын поклялся себе, что никогда сам не будет состоять ни в одной партии, не будет присутствовать ни на одном заседании, никогда не будет тем персонажем, которому предоставляется слово или который закрывает прения и чувствует при этом все восторги гражданственности» [9. С.253].

«Он [Фёдор Константинович], для которого так называемая политика (всё это дурацкое чередование пактов, конфликтов, обострений, трений, расхождений, падений, перерождений ни в чём не повинных городков в международные договоры) не значило ничего...» [4. С.33].

«А в общем – пускай. Всё пройдёт и забудется, – и опять через двести лет самолюбивый неудачник отведёт душу на мечтающих о довольстве простаках (если только не будет моего мира, где каждый сам по себе, и нет равенства, и нет властей, – впрочем, если не хотите, не надо, мне [Фёдору Константиновичу] р е ш и т е л ь н о в с ё р а в н о» [4. С. 323].

Ср. с вышецитированным: «Я никогда не только не болел политикой, но едва ли когда-либо прочёл хоть одну передовую статью, хоть один отчёт партийного заседания. Социологические задачки никогда не занимали меня, и я до сих пор не могу вообразить себя участвующим в каком-либо заговоре или даже просто сидящим в накуренной комнате и обсуждающим с политически взволнованными, напряжённо серьёзными людьми методы борьбы в свете последних событий. Д о б л а г а ч е л о в е ч е с т в а м н е д е л а н е т, и я не только не верю в правоту какого-либо большинства, но вообще склонен пересмотреть вопрос, должно ли стремиться к тому, чтобы решительно все были полусыты и полуграмотны» [7. С.385]. «Очень скоро я б р о с и л п о л и т и к у и весь отдался литературе. Из моего английского камина запыльхали на меня те червлёные щиты и синие молнии, которыми началась русская словесность. Пушкин и Толстой, Тютчев и Гоголь встали по четырём углам моего мира» [5.С. 277] – и: «Люди, которые, отложив газету, мгновенно и как-то запросто начинают храпеть в поезде, мне столь же н е п о н я т н ы, как, скажем, л ю д и, к о т о р ы е куда-то «баллотируются» или вступают в масонские ложи, или в о о б щ е п р и м ы к а ю т к к а к и м - л и б о о р г а н и з а ц и я м, дабы в них энергично раствориться» [5. С.193].

Впрочем, сам Набоков весьма откровенен (и безапелляционен) в своих оценках того, что происходит в Советском Союзе, и в инвективах против тех, по чьей вине это происходит. Эти эпизоды метаромана можно условно подразделить на две основные группы: характеристики вождей-правителей и описания всецело подвластных им «народных масс».

Очевидно, что в эпизодах первой группы ведущее место отдано Ленину («самолюбивому неудачнику» [4. С. 323], который, как вскользь упомянуто, «кое-как скончался» [4. С. 46]). Стиль его произведений способен вызвать комический эффект как единственно возможный: «Отсюда [от Белинского и Михайловского] был прямой переход к современному боевому лексикону..., к слогу Ленина, употреблявшему слова «сей субъект» отнюдь не в юридическом смысле, а «сей джентльмен» отнюдь не применительно к англичанину, и достигшему в полемическом пылу в ы с ш е г о п р е д е л а с м е ш н о г о: «... Здесь нет фигового листочка... и идеалист прямо протягивает руку агностику» [4. С.181], или: «... Ленин опровергал теорию, что «земля есть сочетание человеческих ощущений», тем, что «земля существовала до человека», а к его [Фейербаха] т о р г о в о м у о б ъ я в л е н и ю: «мы теперь превращаем кантовскую непознаваемую вещь в себе в вещь для себя посредством органической химии» с е р ь ё з н о д о б а в л я л, что «раз существовал ализарин в каменном угле без нашего ведома, то существуют вещи независимо от нашего познания» [4. С. 218].

Ещё более жёсткие характеристики Ленина выдаёт аполитичный Набоков от своего имени – уже в мемуарах. «Говорят [!], что в ленинскую пору сочувствие большевизму со

стороны английских и американских передовых кругов основано было на соображениях внутренней политики. Мне кажется, что в значительной мере оно зависело от простого невежества. То немногое, что мой Бомстон [будущий английский «крупный учёный»] и его друзья знали о России, пришло на Запад из коммунистических м у т н ы х источников [...]. Я допытывался у гуманнейшего Бомстона, как же он оправдывает п р е з р е н н ы й и м е р з о с т н ы й т е р р о р, установленный Лениным, пытки и расстрелы, и всякую другую п о л о у м н у ю р а с п р а в у... [...]. Если бы он [Бомстон] и другие иностранные идеалисты были русскими в России, их бы ленинский режим истребил немедленно [...]. «Гром «чисток», который ударил в «старых большевиков» ..., потряс Бомстона до глубины души, чего в молодости, во дни Ленина, не могли сделать с ним никакие стоны из Соловков и с Лубянки» [5. С.275-276,282].

Впрочем, Набоков не ограничивается описанием Ленина как политика; очевидно, для полноты портрета (карикатуры?) мемуарист характеризует и вкусы и пристрастия советского вождя в области искусства: «Особенно меня раздражало отношение Бомстона к самому Ильичу, который, как известно в с я к о м у образованному русскому, был с о в е р ш е н н ы й м е щ а н и н в своём отношении к искусству, знал Пушкина по Чайковскому и Белинскому и «не одобрял модернистов», причём под «модернистами» понимал Луначарского и каких-то шумных итальянцев; но для Бомстона и его друзей ... наш у б о г и й Ленин был чувствительнейшим, проницательнейшим знатоком и поборником новейших течений в литературе. ... Я доказывал ему [Бомстону], что ... на самом деле, чем радикальнее русский человек в своих политических взглядах, тем обыкновенно консервативнее он в художественных» [5. С.276].

Таким образом, Набоков, как и один из духовно близких ему персонажей, вроде бы аполитичный «скромный учитель рисования в провинциальной гимназии» [7. С.393], может сказать: «С м е х, собственно, и спас меня. Пройдя все ступени ненависти и отчаяния, я достиг той высоты, откуда видно как на ладони с м е ш н о е ... . Я вижу, что, стараясь изобразить его [«тирана»] страшным, я лишь сделал его с м е ш н ы м, – и к а з н и л его именно этим – старым испытанным способом» [7. С.404-405].

Результатом деятельности вождей («тиранов») становится возникновение нового государства и формирование нового типа людей – точнее, наверное, некоей человеческой массы. Наиболее гротескно эти достижения описываются в изображении фантастической и фантазмагорической Зоорландии – страны всеобщего абсолютизированного равенства, или, говоря иначе, универсального и поголовного нивелирования (см. [9. С. 256]). Но и повторяющиеся из фрагмента во фрагмент метаромана упоминания о Стране Советов, реальной, или, строго говоря, представляемой Набоковым из его эмигрантского далека, тоже не отличаются бесстрастностью и беспристрастностью.

Метафорическая характеристика повседневного быта во время начала революционных событий и их впечатляющего итога даётся в размышлениях Годунова-Чердынцева: «На вокзале была м е р з к а я, ж и в о т н а я суета: это было время, когда щедрой рукой сеялись семена цветка счастья, солнца, свободы. Он теперь подрос. Р о с с и я з а с е л е н а подсолнухами. Это самый большой, самый мордастый и самый г л у п ы й ц в е т о к» [4. С.138]. Следующие оценки весьма напоминают формулировку писателя, одного из участников диалогов «На пиру богов» С.Н. Булгакова: «... Обратите внимание, как изменился даже внешний вид солдата, – он стал каким-то звероподобным, страшным, особенно матрос. Признаюсь вам, что «товарищи» кажутся мне иногда существами, вовсе лишёнными духа и обладающими только низшими душевными способностями, особой разновидностью дарвиновских обезьян – homo socialisticus» [1. С. 80]. Ср.: «... Коммунизм действительно создаст прекрасный квадратный мир о д и н а к о в ы х з д о р о в я к о в, ш и р о к о п л е ч и х м и к р о ц е ф а л о в» [8. С. 344] – и: «...Положение, когда вокруг всё время ходит идиотская преждевременная смерть, оттого что хозяйничают ч е л о в е к о п о д о б н ы е и обижаются, если им что-нибудь не по

ноздре» [5. С.269] – или: «Я кстати горжусь, что уже тогда... разглядел признаки того, что с такой страшной очевидностью выяснилось ныне...: тех одинаковых, мордастых, довольно бледных и пухлых автоматов с широкими квадратными плечами, которых советская власть производит ныне в таком изобилии после тридцати с лишним лет искусственного подбора» [5. С. 276-277].

Сходны и описания официальных советских празднеств, даваемые разными, но симпатичными Набокову персонажами в различных фрагментах метаромана. Ср.: «Вдруг он [Фёдор] представил себе казённые фестивали в России, долгополых солдат, культ скул, исполинский плакат с орущим общим местом в ленинском пиджачке и кепке, и среди грома глупости, литавров скуки, рабьих великолепий, – маленький ярмарочный писк грошовой истины. Вот оно, вечное, всё более

чудовищное в своём радушии, повторение Ходынки*, с гостинцами – во какими (гораздо больше сперва предлагавшихся) и прекрасно организованным увозом трупов...» [4. С.322-323] – и: «За окном разгорался праздник [...] ... Над дальними крышами играл недавно изобретённый гением из народа фейерверк, красочно блистающий и при дневном свете. Народное ликование, алмазные черты правителя, вспыхивающие в небесах, нарядные цвета шествия, вьющиеся через снежный покров реки, прелестные картонажные символы благосостояния отчизны, колыхавшиеся над плечами разнообразно и красиво оформленные лозунги, простая, бодрая музыка, оргия флагов, довольные лица парнюги и национальные костюмы здоровенных девок...» [7. С.403].

Разные черты советского бытия неизменно оцениваются в метаромане как неудачные в силу своей примитивности и даже мертвенности. Например: «Побывали в кинематографе, где давалась русская фильма, причём с особым шиком были поданы виноградины пота, катящиеся по блестящим лицам фабричных, – а фабрикант всё курил сигару» [4. С.81]. – «Когда же она [Лужина] обращалась к газетам потусторонним, советским, то уже скуке не было границ. От них веяло холодом гробовой бухгалтерии, мушиной канцелярской тоской, и чем-то они ей напоминали образ маленького чиновника с мёртвым лицом в одном учреждении [...] ... Ей было неясно, почему именно его образ мерещился ей, как только она принималась за московскую газету. Скука и жалость были, что ли, такого же свойства...» [6. С.132].

Отсутствуют признаки творческой, живой мысли и в деятельности советских шахматистов. «Он [Фёдор Константинович] углубился в рассмотрение задач [в советском шахматном журнале «8x8»... Доброе советские, ученические упражнения молодых советских композиторов были не столько «задачи», сколько «задания»: в них громоздко трактовалась та или иная механическая тема..., без всякой поэзии; это были шахматные лубки, не более, и подталкивающие друг друга фигуры делали своё неуклюжее дело с пролетарской серьёзностью, мирясь с побочными решениями в вялых вариантах и нагромождением милицейских пешек [...] ... Зато в одном из советских произведений ... нашёлся прелестный пример того, как можно дать маху: у чёрных было девять [разбивка В. Набокова. – А.В.] пешек, – девятую по-видимому добавили в последнюю минуту, чтобы заделать непредвиденную брешь [...]» [4. С.156-157]. Конечно, Набоков, который «в продолжение двадцати лет эмигрантской жизни в Европе [...] посвящал чудовищное количество времени составлению шахматных задач» [5. С. 289], и в своих мемуарах также не мог ещё раз не высказаться по этому поводу, насчёт малоопытных и неразвитых советских шахматных композиторов, причём почти в тех же выражениях, что и один из его любимых собственных персонажей: «... В своё время Россия изобрела гениальные этюды, ныне же прилежно занимается механическим нагромождением серых тем в порядке ударного перевыполнения бездарных заданий» [4.С.289-290].

Так (вроде бы подробно-эпизодическое, но на самом деле – разноаспектное) описание

советской действительности, хотя и знакомой Набокову и большинству его персонажей лишь заочно, логично может быть увенчано констатацией, сформулированной Годуновым-Чердынцевым: «... Отчего это в России всё сделалось таким плохоньким, корявым, серым, как она могла так обольщаться и притупиться?» [4.С.157]**. И, хотя эта констатация начинается с острой эмоциональной оценки («вдруг ему стало обидно» [там же]), последняя вовсе не снижает и не приглушает обличительного пафоса набоковских инвектив.

Таким образом, миф о некоей «аполитичности» В.В. Набокова – всего лишь миф, правда, старательно (несмотря на вышеупомянутые прямые инвективы) выстраиваемый как самим писателем, так и позднейшими набоковедами. Нередко они (впрочем, следуя логике самого объекта изучения), считая набоковские русскоязычные тексты кристально аполитичными, склонны делать нечто вроде исключения для анти советских суждений и оценок великого стилиста: дескать, это всё – в силу врождённого благородства и стремления соблюдать правила хорошего тона, как положено всякому порядочному человеку. Например: «Хотя Набоков и утверждал, что писатель не имеет социальных обязательств, но вместе с тем был бескомпромиссен по отношению к тоталитарному режиму в СССР» [3. С.5] – то есть это отношение – как бы не в счёт.

Снобистское кокетство В. Набокова своей якобы аполитичностью довольно-таки сродни распространённому россиянскому увлечению «деидеологизацией» («деидеологизация – устранение из различных сфер общественной жизни влияния идеологии (обычно коммунистической)» [12. С.202]), а точнее, конечно, – реидеологизацией.

Поэтому вряд ли можно абсолютно безо всякой коррекции воспринимать как свидетельство лишь духовного ущерба, понесённого писателем от злокозненных большевиков и прочих «человекоподобных микроцефалов»***, следующее объяснение «лукавого автора»: «В сем месте американской и великобританской версии нынешней книги, в назидание беспечному иностранцу, ... я позволил себе небольшое отступление...: «Моё давнишнее расхождение с советской диктатурой никак не связано с и мущественными вопросами. Презираю россиянина-зубра, ненавидящего коммунистов потому, что они, мол, украли у него деньжата и десятины. Моя тоска по родине лишь своеобразная гипертрофия тоски по утраченному детству» [5. С.169-170]. Не была ли всё-таки эта светлая печаль расцветена и другими обстоятельствами, например: «Он [В.И. Рукавишников, дядя В.В. Набокова] тогда [в 1914 г.] в последний раз уехал за границу и спустя два года там умер, оставив мне миллионное состояние и петербургское имение Рождествено...» [5. С.169].

Сноски к статье

1. «Ходынка» - катастрофа на Ходынском поле (в сев.-зап. части Москвы, в начале совр. Ленинградского проспекта) 18.05.1896 во время раздачи царских подарков по случаю коронации Николая II. Из-за халатности властей произошла давка: по офиц. данным, погибло 1389 чел., изувечено 1300» [11. С. 14 48].

2. Ср. запись в дневнике И.А. Бунина: «7.1.44. ... Нынче и вчера читал рассказы Зоценко 37 г. Плохо, однообразно. Только одно выносишь – мысль, до чего мелка и пошла там жизнь. И недаром всегда пишет он столь убогим и полудикрским языком – это язык его несметных героев, той России, которой она стала» [Бунин 1988,6:531]. Кстати, сам М.М. Зоценко объяснял: «Обычно думают, что я [...] нарочно пишу ломаным языком. Я почти ничего не искажаю. Я пишу на том языке, на котором сейчас говорит и думает улица» [Зоценко М. Письма к писателю. Л., 1929. С. 58] (цит. По: 13. С.539)).

3. Кстати, ведь и рафинированные деятели ряда других партий тоже немало постарались во имя по-своему представлявшегося им «светлого будущего» – например, кадеты: «В первые годы [XX] века В.Д. Набоков всё активнее вовлекается в движение,

сотрясающее Россию» [10. С.43].

Список литературы

1. Булгаков С.Н. На пиру богов // Наше наследие. 1991. № 1.
2. Бунин И.А. Дневники // Бунин И.А. Собр. соч. В 6-ти т. — Т. 6. М., 1988
3. Ерофеев В.В. Русская проза Владимира Набокова // Набоков В.В. Собр. соч. в 4-х т. - Т.1. М., 1990.
4. Набоков В.В. Дар // Набоков В.В. Собр. соч. В 4-х т. - Т.3. М., 1990.
5. Набоков В.В. Другие берега // Набоков В.В. Собр. соч. В 4-х т. - Т.4. М., 1990.
6. Набоков В.В. Защита Лужина // Набоков В.В. Собр. соч. В 4-х т. - Т.2. М., 1990.
7. Набоков В.В. Истребление тиранов // Набоков В.В. Собр. соч. В 4-х т. - Т.4. М., 1990
8. Набоков В.В. Отчаяние // Набоков В.В. Собр. соч. В 4-х т. - Т.3. м., 1990
9. Набоков В.В. Подвиг // Набоков В.В. Собр. соч. В 4-х т. - Т.2. М., 1990
10. Носик Б. Мир и Дар Владимира Набокова.— М., 1995
11. Советский энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1983.
12. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / Под ред. Г.Н. Складневской. М., 2001.
13. Томашевский Б.В. Примечания / Зощенко М. Собр. соч. В 3-х т. - Т. 1. Л., 1986.